

Глава Павильона Ушоу, Жуань Лин, вспоминал, как когда-то учил Ши Вэня и других мальчишек. Часто он выходил из себя, но никогда не доводил кого-либо до слёз. Это было для него в новинку. Его взгляд невольно скользнул по стоявшему рядом Тан Шаотану, и он мысленно добавил: «Хотя в будущем, возможно, всё изменится».

Он слегка кашлянул, намеренно обрывая поток мыслей, и снова сосредоточился на Фань Сяо.

В этот момент Фань Сяо отбил руку А Цзю, которая, словно забавы ради, гладила его по голове. Его прежняя вспыльчивость угасла, и теперь он с непростыми чувствами разглядывал его и Тан Шаотана.

Он думал, что эти двое помогли ему проучить зазнавшегося хозяина похоронной лавки и теперь будут действовать вместе. Было бы неправильно их не проинструктировать.

— Пойдём к каменщику вырезать надпись, — сказал Фань Сяо. — Лучше всего притвориться братьями, так мы вызовем меньше подозрений.

Увидев, что оба не возражают, он продолжил:

— Тан, как тебя там... Ты, у кого красивый почерк. Выглядишь как учёный книжник. Будь моим старшим братом.

Тан Шаотан совсем не походил на его старшего брата. Разве что перед А Цзю казался таким же незащищённым — в этом было сходство. Это напомнило Фань Сяо, как его брат стоял у двери спальни, наказанный женой, с точно таким же обиженным видом. На сердце стало немного тепло.

А Цзю, однако, бесцеремонно прервал его мысли:

— А я?

Фань Сяо глубоко вздохнул и сердито выпалил:

— А ты будешь слугой в моём доме!

А Цзю нахмурился. Фань Сяо, прикрыв голову руками, пустился наутёк, крича:

— Ты же не можешь быть моей сестрой!

А Цзю махнул рукой:

— Катись отсюда, не буду я с тобой возиться.

Когда оба «сорванца» начали спорить, Тан Шаотан вовремя вмешался:

— Разве в твоей семье может быть только один старший брат?

Фань Сяо резко остановился и обернулся:

— Точно! Другие не знают, сколько у меня братьев. Ладно, тогда ты будешь старшим братом, а ты — вторым.

А Цзю остался недоволен:

— Почему он старший, а я второй?

Фань Сяо возмутился ещё больше:

— Ты, взрослый, чего суетишься больше, чем я, ребёнок?

Тан Шаотан: «...»

Тан Шаотан никогда не мирил людей и не сталкивался со столь детскими препирательствами.

Но он знал самый быстрый способ разрешить конфликт: заставить одну сторону навсегда замолчать.

Поэтому он на мгновение задумался, а затем молниеносно ударил, одновременно коснувшись акупунктурных точек обоих и лишив их дара речи.

А Цзю сузил глаза, едва сдержав смертельный приём, позволил Тан Шаотану зажать свою точку и застыл на месте, в немой обиде.

Тан Шаотан действовал мягко, не причиняя вреда, лишь задев хрупкое самолюбие Жуань Лина.

Он тихо сказал Фань Сяо:

— Пойдём, веди.

Фань Сяо необычайно послушно кивнул, утратив прежнюю бойцовскую прыть, и зашагал впереди, почти заплетаясь ногами. В душе у него поднялась необъяснимая тревога.

Его отец, дядья, старшие братья и даже знакомые отца, мастера боевых искусств и ветераны реки и озера — все они, бывало, лишали его голоса, чтобы проучить за непослушание или болтовню. Даже его нынешний таинственный наставник, появляющийся и исчезающий словно призрак, иногда поступал так же — ради тишины.

Но никто из них не был столь стремителен, как Тан Шаотан.

Он вспомнил, как в детстве услышал, что некий странный Вопросающий об именах победил многих его дядьёв и старших братьев. Тогда это показалось ему забавной историей, анекдотом. Даже теперь, когда всё изменилось, он мог без стеснения делиться «забавными случаями о Вопросающем» и болтать обо всём на свете прямо в присутствии того самого человека.

Однако сейчас в его голове оглушительно прозвенел набат.

В нём зародилось почтение.

Страх — больше, чем почтение.

Он наконец-то запоздало осознал вопрос, который всё это время упускал: а зачем Вопросающий об именах когда-то искал его с братом?

Он не смел думать об этом дальше, не смел спрашивать, да и не мог говорить — точки были зажаты. Леденящий ужас, словно обросший множеством щупалец, пополз вверх по его прямой спине к самому сердцу. Фань Сяо, учащённо дыша, ускорил шаг, не смея оглянуться.

Позади него А Цзю и Тан Шаотан молча стояли друг против друга.

А Цзю, казалось, не жаловал солнечный свет, часто прикрывая глаза. Когда он моргал, длинные ресницы опускались, слегка скрывая живой блеск в глубине зрачков.

Но когда он замолкал и спокойно поднимал взгляд, его глаза-угольки словно вбирали в себя всю беспредельную ночь, обрушивая черноту в ледяную чистую глубь пруда, — и ни одна рябь не шевельнулась на поверхности.

Холодно и безразлично.

Сердце Тан Шаотана ёкнуло. В смятении, сам того не осознавая, он уже сложил пальцы и разблокировал точку А Цзю.

А Цзю криво усмехнулся и лениво съязвил:

— Не ожидал от тебя, молчальника. А руки-то проворные?

Сразу начал с пререканий, а теперь ещё и посмел зажать мне точку?

Едва он заговорил, атмосфера отчуждения, витавшая вокруг, мгновенно рассеялась, исчезла без следа.

Тан Шаотан необъяснимо вздохнул с облегчением, а в голове у него вырос огромный вопросительный знак.

Проворные руки?

На этот раз А Цзю не стал ему объяснять. Он лишь тяжело хлопнул Тан Шаотана по руке и сказал:

— Отлично, я запомнил.

Отплачу сполна.

Тан Шаотан: «???»

Он был полон недоумения, но невольно отдернул руку.

А Цзю:

— Чего дёргаешься? Боишься, что ударю?

Тан Шаотан растерянно покачал головой, но упрямо засунул руку за спину.

На его левой руке был шрам. Обычно он не придавал этому значения, но сейчас почему-то не хотел, чтобы А Цзю видел это своё уродливое место.

А Цзю, прищурившись, пытливо смотрел на него некоторое время, затем презрительно фыркнул и оставил это.

Цюй Цзюаньцзюань подробно, до мелочей, рассказала главе Павильона Ушоу, Жуань Линю, всё о Тан Шаотане. Разумеется, включая и шрам на его руке — след наказания за неповиновение в юности, побоев и заключения в одиночку. По словам Цюй Цзюаньцзюань, в

юности Тан Шаотан сильно отличался от нынешнего. Тогда он, Цюй Цзюаньцзюань и ещё несколько детей схожего возраста часто тренировались вместе, поддерживали и подбадривали друг друга, делились несбыточными фантазиями о прошлом и будущем. Именно тогда она узнала о глубоком смысле имени Тан Шаотана.

Но однажды всё резко оборвалось. Тан Шаотан из самого проблемного ученика тётушки Чань превратился в самое послушное, смиренное и бездумное оружие у неё под рукой.

А те, кто рос вместе с ними, в одночасье бесследно исчезли. С тех пор Цюй Цзюаньцзюань перестала доверять Тан Шаотану.

Что же до того, что на этот раз в Павильоне Ушоу Тан Шаотан вдруг заступился за неё, Цюй Цзюаньцзюань была крайне удивлена и не могла в это поверить.

А Цзю неожиданно спросил:

— Ты откуда родом?

Тан Шаотан опешил: «?»

А Цзю:

— Хочешь вернуться?

Павильон Радужных Одежд — твой дом или тюрьма?

На этот раз Тан Шаотан не колебался ни секунды и чётко ответил:

— Да.

Павильон Радужных Одежд был его единственным домом, единственным местом, куда он мог вернуться.

А Цзю пожал плечами, не выражая ни согласия, ни несогласия:

— А.

Краем глаза А Цзю взглянул на вернувшееся к нему насекомое гу и, видя, что оно не проявляет никаких аномальных реакций, заключил, что в похоронной лавке не осталось следов людей из Павильона Ушоу. Оставалось лишь следовать за Фань Сяо к каменщику и надеяться на удачу.

День выдался солнечным. Они шли плечом к плечу под лучами солнца, а за ними тянулись длинные тени.

Оба были в белоснежных одеждах, и оба долгое время несли на себе нерассеивающуюся тьму.

...

Фань Сяо впереди шагал всё быстрее и быстрее, словно спасаясь бегством. А Цзю одним прыжком легко его нагнал, наклонился и с усмешкой спросил:

— От чего это ты бежишь?

И в тот же миг разблокировал его акупунктурные точки.

Фань Сяо: «??!!»

Он на мгновение остолбенел, затем остановился, начав сомневаться в реальности происходящего. А Цзю разблокировал точки в мгновение ока, ничуть не уступая Тан Шаотану.

Впервые увидев сверхъестественную скорость Тан Шаотана, Фань Сяо почувствовал панику. Увидев же это во второй раз... он невольно усомнился в словах собственного отца.

Он про себя ворчал: «Неужели все те герои, великие мастера и необычные люди, о которых толковал батюшка, — всего лишь его хвастовство? Как же выходит, что любой, кого я встретил снаружи, оказывается сильнее них?»

А Цзю, заметив, что выражение лица Фань Сяо прояснилось, тут же с ухмылкой спросил:

— Что, теперь уже не боишься?

<http://bllate.org/book/16258/1462538>